

УДК 81'28/37(470.53)

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СВЯЗИ КОЛДУНА С НЕЧИСТОЙ СИЛОЙ (на материале лексики пермских говоров и мифологических рассказов Пермского края)

Ирина Ивановна Русинова

к. филол. н., доцент кафедры общего и славянского языкознания

Пермский государственный университет

614990, Пермь, ул.Букирева, 15. irusinova@mail.ru

В статье на материале мифологических рассказов, данных диалектных словарей и фольклорно-этнографических источников Пермского края рассмотрены языковые воплощения представлений о связи колдуна с нечистой силой, которая на уровне лексики проявляется совершенно отчетливо и выражается в участии корней *бес-* и *черт-* в формировании нескольких номинаций колдуна. Многочисленны в пермских материалах также глагольные словосочетания, содержащие имена нечистой силы и обозначающие ряд мотивов: передачи, приобретения сакрального знания, обладания таким знанием, вызывания болезни и ее излечения. Наиболее многочисленная группа единиц вербализует главное направление магической деятельности колдунов – причинять вред (главным образом вызывать болезнь, психическое расстройство), используя бесов как инструмент, «насылая» их на людей разнообразными способами.

Ключевые слова: мифологические рассказы Пермского края; колдун; знахарь; нечистая сила; магическая лексика.

Языковые материалы пермских диалектных словарей, картотек и фольклорно-этнографических источников¹ говорят о популярности магических верований в Пермском крае. Их стержень составляет вера в колдунов. Пермские мифологические рассказы переключаются с материалами других регионов Русского Севера и Сибири и обнаруживают устойчивость общих сюжетов и мотивов, основой которых выступает представление о связи колдунов с нечистой силой. (См. перечень мотивов, а также их реализацию в: [Зиновьев; Мифологические рассказы... 1996а и др.])

Связь человека с миром нечисти реализуется прежде всего на уровне сюжета: бесы, находящиеся у колдуна в услужении, выступают источником его магической силы (*Злые колдуны чертей держат. С ними те слова по ветру и пускают* (Пыскор Усол.). *Или вот тут тётя Граша. Тоже у неё черти. Надя оставалась у неё кормить скота, ну, в подвал ходила. Там эти мышки бегают. Ночью, вот когда спят, ну, они, видать, выходят домой* (Кольчуг Черд.). *Я детей колдунов спрашиваю: «Что у вас дома есть». – «Есть маленькие птички всяких цветов: голубые, крас-*

ненькие, зелёные. В голбце в коробочке сидят». – «Пойдём посмотрим». – «Нет, мама ругаться будет» (Чердынь). *И он [колдун] сказал, где черти: «Черти у меня на вышке-де, в пестере»* (Ратегова Краснов.). *Одна тут у нас была [колдунья]. Баночки у неё под полом поставлены. Оне [черти] в них и жили* (Половодово Солик.). *Колдуны-то, те чертей кормят. Я ещё маленькая была, с ребятами в окошко подглядывала. Налепят они много пельменей, и отец их, Трофимов, первую тарелку покладёт и в голбец несёт. А зачем их туда нести, как не чертям?* (Лимеж Черд.) [КСМЛПК].

Пермские мифологические материалы свидетельствуют о коллективности образа этих демонических помощников. Это всегда не один, а множество консолидированных существ (см. примеры выше). В предыдущих публикациях мы показали многообразие облика, который принимают эти духи, и приводили их номинации [Русинова 2010б; Русинова 2010в].

Не только сюжет и мотивы быличек, но и языковые единицы, используемые в текстах, отраженные в диалектных словарях, могут многое сказать о связи человека с нечистой силой, ха-

рактуре этой связи, образах и поведении духов, выполняющих «работу» у колдуна, видах деятельности людей, обладающих магическими знаниями и способностями.

1. Прежде всего, мифологема «колдун – его помощники-черти» реализуется в названиях самого колдуна. Эта группа единиц составляет только часть в обширном корпусе номинаций людей, обладающих магическими свойствами.

По данным О.А.Черепановой, на Русском Севере распространены разнообразные названия этого типа персонажей: *баловница, белница, ведун, вещун, ворожец, гад, гадаль, гамка, ерестун, еретик, знаток, изводчица, икотник, килятник, клохтун, ломотник, сперчиха, триха, харкунья, шоморунья* и др. [Черепанова 1983: 15]. При рассмотрении семантики этих лексем обнаруживается, что увеличение числа наименований ведьм, колдунов и знахарей может происходить, во-первых, за счет персонификации одной из присутствующих им функций (*гад, гадала* – тот, кто гадает; *изводчица* – та, кто насылает извод, т.е. порчу; *икотник* – вызывающий у людей «икоту», т.е. нервную болезнь – кликушество; *килятник* – насылающий килу, т.е. грыжу; *ломотник* – причиняющий ломоту; *порченник* – насылающий порчу; *сперчиха* – та, что сдавливают, стискивает, сжимает; *триха* – лечащая растиранием и пр.); во-вторых, за счет наименований, персонифицирующих те или иные свойства ведунгов (*клохтун* – человек, издающий звуки, стонущий; *харкунья* – харкающая женщина); в-третьих, за счет персонификации самой соотносительности ведунгов с мифическими существами, наделившими их магической силой и сверхъестественными способностями (*бесиха, бесистый, чертиха, чертистый; шишко, шишкун*) [Криничная 2004: 386-387]. Пермские материалы обнаруживают довольно большой круг лексических единиц, персонифицирующих связь колдунов с нечистой силой и включающих имя духа.

Данные словарей и фольклорных текстов свидетельствуют о неопределенности, размытости границы между «вредоносными» и «доброносными» персонажами указанной группы – колдунами, знахарями (например, в пермских говорах они могут обозначаться одними и теми же или однокоренными единицами, образованными от глагола *знать*: *знаткой, знаткой человек, знатливый, знатливый человек, знатный, знатный человек, знаток, знахарка, знахарь, знающий, знающий (знающий) человек*). Однако маркером «вредоносности» персонажа можно считать присутствие в его названии корней *бес-* и *черт-*. Разнообразие и обилие дериватов свиде-

тельствуют о высокой распространенности и популярности данного мотива в пермской мифологии:

Бесист. (*Ак попробуй-ко узнай их, где они, бесисты-те. Их эть нету. Они эть не скажутся. Ты что! А эсле буэшь дознаваться, оне тебя испортят* (Нырб Черд.). *И вот встали в машину оне троё или четвёро. Он-де мне хлоп по плечу. «Держись, – говорит этот, которой бесистот. – Держись», – хлопнул-де меня. А рука заболела* (Карпичева Черд.). *Хитка, вот если бесисты-то подденут... Мужик дурит, дурит с нами и посадил мне этих бесей* (Камгорт Черд.).

Бесистый, сущ. (*В верховьях бесистые есть. Если я корову купил, а ты продаёшь, ты можешь что-то сделать, отнять молоко* (Березовая Черд.). *Одна баба рассказывала: её мужа бесистый испортил. Они звали знахарку* (Вильгорт Черд.). *Бесистые назывались, еретники-то бесистые, людей портили* (Камгорт Черд.). *А тут тожко одна женщина сказывала: где-ко там, в верхях [Колвы] тожко один бесистый есть, портит тожко людей-то* (Карпичева Черд.). *Был тут кладовык бесистой. Не колдуны, а бесистые. Колдуны-те – которые превращаются. Бывает, в человека бисей насадят, он и разговаривает другим голосом* (Чердын). *Умели тут людей привязывать без верёвки. Таких людей называли бесистыми. Чё-то наговорят, и человек с места сдвинуться не мог* (Нырб Черд.). *Если бесистый попу не покается, биси ему помереть не дают, мучают* (Искор Черд.).

Бесястый, сущ. (*У меня нога от болела. Мне бесястый подделал хорошо в сенокос. А вечером домой уже не могла идти, меня в лодке приплавили. Я два месяца в постеле вот лежала* (Дий Черд.). *В Черепанове все бесястые. Мы не знаем, дело прошлое. Или глаз у человека, или чёрт его знает* (Петрецово Черд.).

Бесистый человек. (*Еретники людей портят, бесистые люди* (Камгорт Черд.). *Люди бесистые, знатливые, они и портят, говорят* (Вильгорт Черд.). *Порчи у неё, биси насажены. Такие люди есь бесистые. А по-настоящему, надо сказать, поговорка на них. Та поговорка на них, что они знают каких-то бисей* (Чердын). *Кто знает, тот и садит [бесей], бесистые, еретник дошлый, бесистой* (Рожево Черд.).

Бесястый человек (старик и под.). (*У него ещё родня была бесястая. Тожко мать повела к его родне-то, он ей дал семецьки, на семецьках ему попало от старика-то от бесястого. Он если бесястый, возьми да заткни иглу. Иглу заткнёшь от на двери, он никуды не уйдёт* (Петрецово Черд.). *Бисястые ки-ко люди были. В бане,*

говорят [учили], в баню уводят. Там собака огненная. Ей в хайло лезь, и с бисями будешь. Корова могут испортить [бесястые люди]. Другие бисястые лечат. В коробице, в пере их держали, бисей. У кого [как] птички, у кого мышки (Талово Черд.).

Чертист. (Заговоры мы никакие не знам. А те, которы знают, их чертистами зовут (Нырб Черд.). Был у нас на деревне чертист. Он одну девочку поймал и хотел зарубить, а люди вовремя его руку споймали и топором по голове дали. Дак он жив остался и на деда одного чертей перевёл. Дак они его до самой смерти царпали (Редикор Черд.). Чтобы чертиста узнать, надо иголку воткнуть. Если чертист, то он или кругами ходить будет, или стоять будет. Так чертистов привязывали (Редикор Черд.). Колдуны, чертисты могут тебе порчу наложить, вот и будешь болеть (Рябинино Черд.).

Чертистка. (Я один раз к чертистке пришла. Она села со мной рядом и хлопает меня в бок. Не помню, как от неё до дому дошла, всё в боку кололо (Камгорт Черд.). Сели обедать. Одна чертистка угостила женщину лепёшками. Та и стала заговариваться (Камгорт Черд.).

Чертистый, сущ. (У нас вот Тамару шиэлкал чертистой ныробской. Мужик колдун, чистой колдун (Искор Черд.). Я говорю: «Тожно люди все цисты, цертистых нету, ешьте» (Копты Черд.). Ну вот у нас здесь, в Серёгово, вот по этой улице был один дом, дак всё чертистый его [хозяина дома] называли (Серегово Черд.). Колдуны испортят человека, чертистые, пускают в человека чертёнка (Покча Черд.).

Чертистый человек (женщина, старуха и под.). (Есь цертистые люди, колдуны (Редикор Черд.). Тожне никто не видел чертей. Есь люди чертистые, которые портят людей, говорили (Пянтег Черд.). Старуха, сказывают, у них была чертиста, дак, кому надо, науку давала (Ратегова Краснов.)).

Чертознай, чертызнай. (Мать мне рассказывала, что, когда они жили в Половодово, у их в деревне жил чертознай Истома. Дак когда он помер, стало в доме нечисто (Усолье). Дедушка у Капы был, он чертознай был, килы сажал, пчёл портит (Большие Кусты Куед.). Дедушка тоже чертызнай был, все к ему ходили эти килы снимать. Он сам другу молитву вычитат и эту килу снимат (Кашка Куед.)) [КСМЛПК].

Встречаются в наших материалах такие контексты, в которых имя нечистой силы прямо переносится на человека, который с бесами связан (Колдуны – они и есть бисии. Ты поругался – они тебя спортили (Печинки Черд.). Вот этот, про

которого я рассказывала, у них, у этих, все были бисии, колдуны-те (Бондюг Черд.). А сосед на-стояще чертей знат, сам бес (Большие Долды Черд.)) [КСМЛПК].

Записаны даже такие тексты, в которых утверждается кровное родство колдуна со своими чертями (Прасковья Николаевна была. Её отец был колдуном. Она с мужем взяла дочку, детей-то своих у них не было. Так девочка та умерла. И, говорят, они её сами убили. Потом другую взяли, вырастили её, воспитали, замуж выдали. Дак, говорят, дети у неё черти. Значит, передали родители её чертей. Она сама говорила: «Надоели мне черти эти» (Купчик Черд.)) [КСМЛПК].

Нередко связь колдуна с нечистой силой осуществляется в тексте былички через общий корень, т.е. контекст содержит и производящее, называющее нечистую силу, и производное, называющее колдуна, слова (Я вам вот какой случай расскажу ишо про бесистых. Одного мужика звали, что он чё-то знает бисей каких-то (Петрецово Черд.). Сказывают, что чертисты с чертями водятся и на людей порчу наводят или взглядом или прикосновением руки (Редикор Черд.)) [КСМЛПК]. Но чаще в текстах с помощью производного и производящего слов указывается способность чертей проникать в человека и служить причиной болезни, т.е. в этом случае имя нечистой силы служит обозначением одной из ипостасей мифологических персонажей зла – «вселяющихся» духов (А она сама-то, женщина, тоже чертистая. Посадила чертёнка в кошку. Они ещё учатся тожо кто на собаках, кто на кошках (Пянтег Черд.). Ну, например, чертистый посадит на кого-нибудь чертей (Кольчуг Черд.). Еретник – кто людей портит, в чём-нибудь чертей пускает. По ветру, говорят, от-пускают, в пиве выйдет, в молоке. Чертисты [тех людей] называют (Покча Черд.)) [КСМЛПК].

Анализ мифологических материалов и диалектных словарей разных русских территорий дает возможность предположить, что подобные названия колдунов не везде представлены так широко. На наш взгляд, этому может быть два объяснения. Первое объяснение: названия колдуна, образованные от корней бес-, черт-, бытуют и в других локальных культурах, но они не зафиксированы собирателями. Однако сегодня существует обширный корпус опубликованных мифологических материалов, записанных на разных территориях России (см., например: [Былички и бывальщины... 1991; Криничная 1993, 1994; Легенды. Предания. Бывальщины 1989; Мифоло-

гические рассказы Архангельской области 2009; Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири 1987; Мифологические рассказы и легенды Русского Севера 1996а; Народная проза 1992; Представления славян о нечистой силе... 2004; Прозаические жанры... 1977] и др.), поэтому говорить о серьезных лакунах в отражении этими текстами мифологических представлений вряд ли возможно. Однако мы оставляем это предположение в силе, потому что для выявления максимального количества номинаций мифологических персонажей, в частности названий колдунов, нужен целенаправленный и углубленный сбор полевого материала, т. е. с учетом распространенности конкретных мотивов и их вербальных воплощений как на исследуемой территории, так и на других русских территориях. Например, словари пермских говоров не отражают названий колдунов с корнями *бес-*, *черт-*, а полевые материалы К.Э.Шумова, несколько лет записывавшего былички на севере Пермского края, частично отраженные в его публикации [Былички и бывальщины: старозаветные рассказы, записанные в Прикамье 1991], и автора статьи такие номинации содержат.

Второе объяснение может быть связано с предположением о неравномерном распределении названий колдуна по русской территории, что, в свою очередь, определяется кругом сюжетных мотивов, мифологических и магических представлений, распространенных в тех или иных регионах, связью этих русских регионов с инославянскими этнокультурами. В качестве примера, делающего второе предположение возможным, можно привести трактовку О.А.Черепановой птичьего облика бесов-помощников колдуна на Русском Севере: «Зооморфный, в частности орнитологический код, в котором реализуется образ чертенят-гномиков, характерен для восточных регионов Русского Севера – Вятской (Кировской) и Пермской областей, Предуралья, для русских территорий Республики Коми. Эта тенденция просматривается и в образах других мифологических персонажей, например домового и дворового. Очевидно, актуализация зооморфного и орнитологического кодов в известной мере является одной из форм мифопоэтического видения мира, свойственного этим регионам, что может иметь свои истоки в финно-угорской мифологии. В мифологических материалах и в искусстве народа коми известны изображения существ с птичьим головами в числе многочисленных образов полиморфных божеств. Зооморфные и птицеобразные существа нашли отражение и в прикладном ис-

кусстве и малых формах пластики коми-пермяцкого края» [Черепанова 2005: 161]. Подтверждение данной мысли исследователя находим не только в работах фольклористов (см., например: [Петрухин 2003]), но и в исследованиях искусствоведов. В одной из последних работ, посвященных изучению произведений пермского звериного стиля, читаем: «Изображение пернатых, пожалуй, единственный мотив, существовавший в древнекамской торевтике² на протяжении нескольких археологических эпох» [Доминык 2010: 25].

Словари русских говоров содержат немного названий колдуна с корнями *бес-*, *черт-*. Нами обнаружено лишь несколько фиксаций:

Бесі́ха. 1. Колдунья, ведьма. Даль [без указания места] [СРНГ 1: 267].

Бёсник. Тот, кто, по суеверным представлениям, знает с бесами (колдуны и под.). *Олон.*, 1872 [СРНГ 1: 268].

Бесованной(ый). 2. Знакомый с чертями. *Старуха-то была бесованна, бесий зналась. 3. Улита у коневала-то бесованного спрашивает: «Где ты их дёржишь, бёсиков-то, каку работу даёшь?».* *Ст.* [СРГНП 1: 31].

Бесовка. Ведьма, колдунья. *Урал.* Даль [СРНГ 1: 268].

Бесови́шка, собир. Колдуны. *Нам бесафишинка знакома, фсё исвесна, бесафишинка з бесам знаеца. Сер Подполозье,* 1956 [ПОС 1: 188].

Черти́ха. 2. Женщина, которая знает с нечистой силой. *Дем.* [НОС: 1278]. Нечистая сила; ведьма. *Наряжались один чёртом, другой чертихой и барином. Медв.* [СРГК 2: 780].

Чертозна́й. Колдун. *Чертознаи nonce перевились, народ грамотный стал (Сукс, У-И). Щертознай – колдун, он много знат (Н-Тур, Елк).*

Чертозна́йка. 1. Колдун. *А этот щертознайка уцился у главного щёрта (Камен, Пир). Он-от щертознайкой был (Камен, Пир).* 2. Колдунья. *Щертознайка-то на отшибе и жила (Камен, Пир). Мы колдовок ишо щертознайками зовём (Камен, Пир). Чертознайки знают наговоры (Н-Тур, Елк)* [СРГСУ 7: 27].

Анализ словарей показал, во-первых, малое количество номинаций (всего 8 единиц на огромную Россию), во-вторых, связь этих единиц с территорией Русского Севера и Урала.

Отсутствуют названия колдуна, образованные от имен нечистой силы, и в специальных изданиях, например в словаре «Демонология севернорусского села Тихманьги» Е.Е.Лекиевской [Левкиевская 2001: 432–476]. Хотя опубликованные

материалы касаются только одного населенного пункта.

2. Обнаруживаются в пермских материалах такие единицы с корнями *черт-*, *бес-*, которые называют не субъекта, как в вышеприведенных примерах, а объекта магического действия – человека, которому колдун «посадил бесёнка».

Бесовный. *Бесовные кричат бывает в церкви на службе* (Лысьва) [СРГЮП: 54].

Бесовой. *Говорят, молились в церкви. А бесовой не любит, когда запоют: «Иже херувим, херувим». Дак двери и откроются, он выходит, тяжело ему* (Бондюг Черд.) [КСМЛПК].

3. Связь колдунов с нечистой силой выражается разнообразными устойчивыми сочетаниями, включающими в свой состав главные имена нечистой силы (*бес, черт, нечистый и т. п.*). Эта связь реализуется в ряде мотивов: передачи, приобретения сакрального знания, обладания таким знанием, вызывания болезни и ее излечения.

3.1. Мотив обладания сакральным знанием обозначается сочетаниями имен нечистой силы с опорными глаголами *знать, знать*: **знать бесей (чертей)** (*Колдуны каких-то бесей знают. Вроде человеку чё-то сделают. И, вроде, человек может умереть. Бесей знают, дак испортят человека* (Гадья Черд.). *Колдун чертей знает. Сделает что-нибудь над человеком, дак никто вылечить не может* (Лимеж Черд.). *Знахарка знает слова, колдунья знает чертей* (Тагъяшер Черд.); **знать** с **бесям (лесным, лешим, нечистым, окаянным, чёртом)** (*А еретики вот чертей-то учатся, бесей, с бесями знают* (Петрецова Черд.). *Касибская женщина пошла в лес. Вот Санко ей попал покойной. Он, видно, с лесным знался. Она ему попала встричу, и всё, заблудилась. Вот токо зашла в лес – и заблудилась* (Сорвино Солик.). *Говорят, леший, говорят, лесной какой-то. У нас туда три километра одна женщина знался, говорят, с им. Так вот ему, говорит, на пень принесёт пачку сигарет и бутылку водки* (Зуево Солик.). *Жила в войну старушка с Ленинграда, была в школе технической. Она зналась с лешим, разговаривала с ним в трубу* (Губдор Краснов.). *Есть у меня знакомая старушка. Дак она зналась с нечистым. Она ему и задания давала: от одной бабы, значит, отвести мужика, к другой привести* (Усолье). *А вот жил у нас враг. Говорят, знался с окайным. Идёт он по лесу с женой, она за его пояс держится, он свистит, лес шатается* (Лимеж Черд.). *У нас мужик был, с чёртом знался. Этот человек может изурочить, сглазить* (Пянтег Черд.)) [КСМЛПК]. В приведенных примерах

описано обладание сакральным знанием только для двух магических субъектов – колдуна и знахаря, однако в нашей картотеке есть словосочетания, относящиеся и к другим персонажам – пастуху, мельнику.

Единицы этой группы не относятся к разряду уникальных. Диалектные словари отражают целый перечень названий колдуна, образованных от глагола *знать*. Выше мы приводили список таких наименований для пермских говоров, но подобные слова, словосочетания фиксируются и на других русских территориях. Кроме того, глагол *знать* активно используется и для обозначения мотива обладания магическими знаниями, способностями, что нашло отражение в ряде диалектных словарей:

Знать, знать ‘уметь лечить с помощью заговоров, наводить и снимать порчу, знаясь с нечистой силой’ [СГРС 4: 273-274].

Знать ‘уметь ворожить, колдовать’ [СВГ 2: 174]; ‘уметь колдовать, ворожить’ [Селигер 2: 166]; ‘быть знакомым с нечистой силой’ [ОСВГ 4: 200]; ‘уметь колдовать’ [СРГНП 1: 283]; ‘уметь колдовать, ворожить’ [СРНГ 11:309-314]; ‘уметь колдовать, ворожить, быть знахарем’.

Знать на добро ‘знать слово против колдовства’ [СРГСУ 1: 202-203].

В лексикографических материалах Е.Е. Левкиевской описано еще несколько единиц:

Знать колдовать. Уметь колдовать, обладать магическим знанием. **Знать (слова, молитвы).** Обладать магическим знанием. **Знать слова на хорошо.** Использовать магические знания для помощи людям [Левкиевская 2001: 445].

Наши материалы убедительно показывают, что в диалектной речи для передачи указанного значения используются не только глаголы *знать, знать*, приведенные выше выражения и подобные им, но и словосочетания, сформированные на основе указанных глаголов и включающие слова *бес* и *черт* (или их дериваты и синонимы). Правда, это положение не находит подтверждения в диалектных словарях, но мифологические материалы (в частности, Русского Севера) подобные единицы отражают: *Пошёл он на охоту. Он оленей бил, лосей. Про него говорили, что он с бисями знался. Говорит: «Люди бегают за оленема, а я приду – увижу след: лось ходил. Я, – говорит, – сяду на кочку, посижу, закурю. Эвон у меня собака закостерится, – говорит, – смотрю: лось бежит. А я, – говорит, – не хожу за лосями, – всё хвастал, – а лоси сами ко мне идут. Ну, вот, – говорит, – знай только стреляй». Дак по сколько лосей убьёт за осень-то* (304); *У Фёдора Ивановича была белая телушка.*

Было дело, шчо она потерялась. Он сходил к Романку (был у нас мужик один уродливый, он с бисями знался). Так Романко-то ему сказал: «Иди домой, телушка твоя сама завтра домой прибежит» (305) [Мифологические рассказы Архангельской области 2009: 140-141]. Вот которы знаются с им, с бесом-то, дак они тоже, видимо, каку-ту службу несут. А как жо! Чё-то оне дарят леишому-ту. Это чёрту-ту (346) [Мифологические рассказы и легенды Русского Севера 1996б].

Еще одно словосочетание, которое используется в пермской речи для передачи указанного выше значения – **иметь бесей** (Колдуны бисей имеют. Им каждому выдают по тринадцать штук. Колдун их хранит. У нас был один старик, у его биси жили в корчаге, в углу она стояла. Сосед у нас раз к нему пришёл за чем-то и подошёл, поглядел через плечо... Насчитал тринадцать мышек, бесову дюжину (Половодово Солик.)) [КСМЛПК]. Похожее словосочетание **иметь чертей** мы обнаружили в [Мифологические рассказы и легенды Русского Севера 1996б].

Аналогичные выражения известны и за пределами русской территории. Например, в полевых материалах по народной демонологии из украинского и белорусского Полесья «характер связи колдуна с нечистой силой обозначается выражениями: той, шчо знаецца з чэртями или знае чорты; той, хто чэрты мае или чэртоў прымае ў хати; владеет нечыстымы; занимаецца з йими» [Народная демонология Полесья 2010: 267].

3.2. Мотив приобретения сакрального знания передается следующими единицами: **выучиться на чертей** (Один рассказывал мужик, что он учился на зайцей, а выучился на чертей (Вильгорт Черд.); **научиться бесам (бесей, чертей)** (Научатся этим бесам, и потом [бесы] их мают, потому что работать заставят (Рябинино Черд.). Вот лесовать пошли они вместе. Он его все подговаривал учиться: «В глухаря-де лезь, в пасть». Чтобы научиться бесей (Тименская Черд.). Вот один парень у нас чертей научился (Тименская Черд.); **перенять бесей** (Тут у нас есть [колдунья]. Мать-то у неё умерла, а она, видимо, от матери и переняла бесей (Искор Черд.); **учиться бесей (чертей, на чертей)** (А еретики вот чертей-то учатся, бесей, с бесями знаются (Петрецово Черд.). Я ни одного слова не знаю, я же не училась на чертей-то. А кто на чертей учился, тот знат (Керчевский Черд.)) [КСМЛПК].

3.3. Мотив передачи магического знания тоже представлен несколькими словосочетаниями с

участием имен нечистой силы: **научивать на чертей** (Ну, это уж боже избав. Это на чертей научивают колдуны (Усть-Уролка Черд.); **научить бесей (на чертей)** (Где-то там, в верхах [Колвы] тоже один бесистый есть. А другой-де говорит: «Научи-де меня, бисей-де научи» (Карпичева Черд.). Приехали коновалы холостить жеребят к им [колдунам] и стали на квартиру. Вот они [коновалы] совсем люди были таки чистые, простые. Оне жеребят стали охолошывать. Говорит [колдун]: «Давай тебя научим заячьим словам и охолостим жеребёнка». Он научился на заячьи слова. Учился – научился. Говорит, совсем [слова] были простые, потом стали [учить] с поговоркой. [А с поговоркой – это как?] Ну вот что у колдунов поговоркой-то считается. [На заячьи-то слова – это чтобы зайцев ловить?] Да, заячьи слова эти. Он [колдун] уж научил на чертей их, а не на заячьи слова (Пянтег Черд.); **учить к чертям (на чертей, чертей)** (Он её стал учить. Дак ей показалась в бане собака и красную пасть открыла. [А что колдун заставлял ее делать?] Дак учил её к чертям (Ратегова Краснов.). Она была раньше не колдунья. Родители её были не колдуны, а она стала колдунья. Её научила женищина. Она учила её на присушки, чтобы она присушивала там мужиков. Она сказала: «Я тебя научу на присушки», а учила на чертей. И она стала колдунья теперь (Керчевский Черд.). Чертей учат колдуны. Надо лезть в собаку, в пасть. Зализёшь – научишься чертей (Губдор Краснов.)) [КСМЛПК]. Эти единицы чаще используются в речи тогда, когда говорится об «учебе» добровольной, принудительной или произведенной путем обмана, как в текстах, записанных в Пянтеге и Керчевском. Подобные единицы фиксируются и на других севернорусских территориях (...Ну, думаю, мужик-то этот скотина, бесей мне напустил, бесям меня научил...) (343) [Мифологические рассказы и легенды Русского Севера 1996б].

Но существуют в этой группе и другие единицы, которые обозначают передачу сакрального знания умирающим колдуном: **передавать чертей** (Если есть родственники в семье, колдуны после смерти им чертей передают (Чердынь); **передать бесей (чертей)** (Не могут они [колдуны] умереть, пока бисей не передадут (Тетерина Солик.). А иной раз хитрят [колдуны], когда помирают. «Прими, – говорят, – от меня молитвы». А если перекрестишься, то они замолчат. Значит, чертей хотели передать (Городише Солик.)) [КСМЛПК]. Эту же коммуникативную ситуацию описывают словосочетания **передать**

чертей, отдать чертей, зафиксированные в Новгородской области: *Все говорят, что чертей передают. Манька у нас, переданы ей от батьки черти... Ей батька отдал чертей, говорят. Кто имеет чертей, тот долго не умирает, трудно умирает* (326) [Мифологические рассказы и легенды Русского Севера 1996б].

3.4. Мотив вызывания болезни, персонификацией которой выступает «вселяющийся дух» – бес (черт), – выражается разнообразными глагольными сочетаниями и используется в большом корпусе пермских мифологических текстов: **вселять чертёнка** (*А дак вот икотка – та же порча. У нас была одна с икоткой, всё икала ходила. А ещё вместо икотки колдун вселяет в человека чертёнка. Была у нас и такая. Когда в ней чертёнок говорил, дак она будто задыхалась, говорила не своим голосом* (Губдор Краснов.); **наводит чертей** (*Да и мужик может быть чертистом, ну, это, так чертей наводит* (Рябинино Черд.); **насадить бесей (чертей)** (*Был тут кладовишук бесистой. Не колдуны, а бесистые. Бывает, в человека бисей насадят, он [человек] и разговаривает другим голосом* (Чердынь). *Он [колдун] у нас на квартире жил в Мистюрёво. Угостил меня так. Вот там и насадил чертей. Ухают там [в груди] и каркают. А нынче не верят этому, не верят* (Вильгорт Черд.); **насаживать чертей** (*Чертей-то насаживают. Одного человека спортишь, а их ещё десять, чертей-то станет* (Печинки Черд.). *Он безрукой, настоящий колдун. Портит много, чертей, видно, насаживает. Откуль-ко берёт, не знаю* (Талица Черд.); **подавать чертёнка** (*У нас мамке подавали в кружке чертёнка-то, в пиве. Она пиво-то пьёт. Она тожно до доньшкы выпила – там большой жук* (Кольчуг Черд.); **подать бесёнка** (*А верно, этого бесёнка подадут кому-то с едой, и человек чахнет и умрёт* (Бондюг Черд.); **посадить бися (беса, бесёнка, бесей, чертёнка, чёрта, чертей, черчёнка)** (*Какие-то хитрые люди есть. Мужик дурит, дурит с нами, и посадил мне этих бесей. Ись нисколько не замозла. Вот тебе и биси. Хитка – вот если бесисты-то подденут* (Камгорт Черд.). *Или вот разговаривает, разговаривает, как попрощаться – «До свиданья» и рукой заденет, бесёнка посадит* (Искор Черд.). *Колдуны порчу сделают, беса внутрь посадят. Икает человек. Икотка это* (Дойная Куед.). *Бабушка говорит: «Ты пришла ко мне поздно. Если бы раньше, я бы тебя вылечила. У тебя посажено два чертёнка даже. И смертные уже»* (Керчевский Черд.). *У колдунов черти есть. Рукой в кружку махнёт – чертей может посадить. Чертей выкашливать нужно. «Каи-*

лай, кашляй сильней, – мне говорили, – вот и выкашлиешь чертей» (Купчик Черд.). *И чёрта посадили. Ну если, как говорят, на смерть, то он [человек] умрёт, а есь кто гавкат. Ну вот чертёнка посадили. Дак она сидит, сидит, ни с того ни с сего начнёт гавкать, как собака* (Рябинино Черд.). *Я ведь не знаю. Черчёнок посажен. Посадят, разговариват, и он всё рассказывает* (Нижнее Керчево Черд.). *Вот тут живёт колдунья. Вот она задела вас, скажем, и она вам посадила чертёнка. Будто бы она наговором своим садит чертёнка. А вы должны, если она вас задела вот так рукой-то, а вы должны ей вот так обратно: «Ешь ты своё мясо, пей свою кровь, до моёва белого тела нет тебе дела». Это отговорка от этих чертей. Старые люди так говаривали* (Пянтег Черд.); **пускать чертей** (*Еретник – кто людей портит, в чём-нибудь чертей пускает. По ветру, говорят, пускают, в пиве выйдеет, в молоке. Чертисты [тех людей] называют* (Покча Черд.); **пустить чертёнка** (*Колдуны испортят человека, чертистые, пустят в человека чертёнка* (Покча Черд.); **разгонять чертей** (*Он [колдун] стал учить, бить жену. И тоже научилась чертей разгонять* (Кольчуг Черд.); **распространять чертей** (*Казарки – это вроде как мошки. Враги же это, черти. А колдуны их распространяют* (Лекмартово Черд.); **рассаживать чертей** (*Она будет с тобой разговаривать, дак вот обязательно тебя рукой [заденет], колдунья. Она чертей рассаживает* (Пянтег Черд.); **садить бесей (чертей, чертёнка)** (*Еретик – он бисей садит. Старуха девку учила еретничать: «Пойдем в баню». Девка пошла, там собака, такая большая. «Ты, – говорит, – залезай в пасть». Девка испугалась. Собака огненная. Она от этого не того стала* (Дойная Куед.); *Этих чертей не везде садят. Вот у нас в деревне бабушка пошла и переругалась. Она запнулась и переругалась. Это чертёнок сидел на воротах где-то и в неё залетел* (Керчевский Черд.). *Портят людей колдуны. В пиве чертёнка садят, могут просто задеть и сказать слова* (Исаково Черд.); **сажать бесей** (*Вот это говорят, что будто бы сажают бисей друг другу. А вот эта бабка, она, мол, говорит бесёнком. Вот у неё такой период придёт, она начинает говорить таким грудным голосом изнутри и совсем другое... И ей плохо. Это она думает, что это в неё был посажен какой-то бес* (Петрецово Черд.)) [КСМЛПК].

Из примеров видно, что единицы данной группы наиболее многочисленны и вербализуют главное направление магической деятельности «бесистых» – причинять вред (главным образом

вызывать болезнь, психическое расстройство) человеку, используя бесов как инструмент, «насылая» их на людей разнообразными способами.

3.5. Мотив излечения болезни выражается сочетаниями **снимать чертей** (*Тогда стали лечить. У него тоже был брат, тоже слова-де знал снимать чертей-то* (Искор Черд.); **снять чертей** (*Мужик тот, Никола, подвыпил, как-то к нему пришёл (а голова побаливала), Гавря задел его, голова перестала болеть. Знать, снял чертей Гавря* (Лимеж Черд.)) [КСМЛПК].

Как видим, связь колдуна с нечистой силой на уровне лексики пермских говоров проявляется совершенно отчетливо и выражается прежде всего в участии корней *бес-* и *черт-* в формировании множества единиц: номинаций колдуна, различных устойчивых глагольных словосочетаний, связанных с владением магическими знаниями и способностями, с их приобретением и передачей, вызыванием болезни и ее излечением. Самая представительная группа единиц характеризует основную, с точки зрения данной региональной культуры, направленность деятельности колдуна – причинение вреда здоровью человека.

Примечания

¹ Материалы, использованные при написании статьи, почерпнуты из картотеки готовящегося к печати «Словаря магических говоров Пермского края» (авторы И.И.Русинова, А.В.Черных, О.И.Васнева, К.Э.Шумов), которая составлена на основе полевых записей авторов, данных диалектных словарей территории, а также фольклорно-этнографических сборников (см. обзор последнего источника в [Русинова 2010а: 106-112]).

² Торевтика (греч. *toreutikos* – искусный в рельефной работе по металлу, от *toreuo* – вырезаю, чеканю), искусство рельефной обработки художественных изделий из металла. Чаще всего Т. называют обработку изделий путем чеканки или тиснения. Иногда термином Т. обозначают и отделку литых изделий [БСЭ].

Список литературы

БСЭ – Большая советская энциклопедия. URL:<http://slovari.yandex.ru/~книги/БСЭ/Торевтика/> (дата обращения: 18.02.2011).

Былички и бывальщины: старозаветные рассказы, записанные в Прикамье / сост. К.Э. Шумов. Пермь: Кн. изд-во, 1991. 412 с.

Доминяк А.В. Свидетельства утраченных времен: человек и мир в пермском зверином стиле. Пермь: Кн. мир, 2010. 152 с.

Зиновьев В.П. Указатель сюжетов сибирских быличек и бывальщин (публикация Н.Л. Новиковой, Г.Н. Зиновьевой). URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/zinoviev1.htm> (дата обращения: 15.02.2011).

КСМЛПК – *Картотека* Словаря магической лексики Пермского края.

Криничная Н.А. Лесные наваждения. Мифологические рассказы и поверья о духе – «хозяине» леса. Петрозаводск: КНЦ РАН, 1993. 50 с.

Криничная Н.А. На синем камне: мифологические рассказы и поверья о духе – «хозяине» воды. Петрозаводск: КНЦ РАН, 1994. 56 с.

Криничная Н.А. Русская мифология: мир образов фольклора. М.: Акад. Проект; Гаудеамус, 2004. 1008 с.

Легенды. Предания. Бывальщины / сост., подгот. текстов, вступ. ст. и примеч. Н.А. Криничной. М.: Современник, 1989. 287 с.

Левкиевская Е.Е. Демонология севернорусского села Тихманьги // Восточнославянский лингвистический сборник. Исследования и материалы. М.: Индрик, 2001. С.432–476.

Мифологические рассказы Архангельской области / сост. Н.В. Дранникова, И.А. Разумова. М.: ОГИ, 2009. 304 с.

Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / сост. В.П. Зиновьев. Новосибирск: Наука, 1987. 400 с.

Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / сост., авт. коммент. О.А. Черепанова. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1996а. 212 с.

Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / сост., авт. коммент. О.А. Черепанова. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1996б. URL: <http://www.booksite.ru/fulltext/mip/hol/ogi/che/skye/index.htm> (дата обращения: 17.03.2011).

Народная демонология Полесья: Публикация текстов в записях 80-90-х гг. XX века. Т.1: Люди со сверхъестественными свойствами / сост. Л.Н. Виноградова, Е.Е. Левкиевская. М.: Языки славянских культур, 2010. 648 с.

Народная проза / сост. С.Н. Азбелев. М., 1992. 589 с. (Биб-ка русского фольклора, Т.12).

НОС – *Новгородский* областной словарь / Ин-т лингв. исслед. РАН; изд. подгот. А.Н. Левичкин и С.А. Мызников. СПб.: Наука, 2010. 1435 с.

ОСВГ – *Областной* словарь вятских говоров. Вып. 4. Киров, 2006. 256 с.

Петрухин В.Я. Мифы финно-угров. М.: Астрель, АСТ, Гранзиткнига, 2003. 463 с.

Представления славян о нечистой силе и контактах с ней: материалы и полевой архив лекции Л.М. Ивлевой / сост., подг. текстов и

справочный аппарат В.Д. Кен. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. 448 с.

ПОС – *Псковский* областной словарь с историческими данными. Вып.1. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1967.

Прозаические жанры русского фольклора / сост. В.Н. Морохин. М., 1977. 296 с.

Русинова И.И. Пермская диалектная лексикография: результаты и перспективы // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2010а. Вып. 1(7). С.106–112.

Русинова И.И. Еще раз об облике бесовском. Статья 1 (на материале мифологических рассказов Пермского края) // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2010б. Вып. 3(9). С.18–25.

Русинова И.И. Еще раз об облике бесовском. Статья 2 (на материале мифологических рассказов Пермского края) // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2010в. Вып. 6(12). С.13–17.

СВГ – Словарь вологодских говоров / под ред. Т.Г. Паникаровской. Вып. 1-19. Вологда, 1983-2007.

СГРС – *Словарь* говоров Русского Севера / под ред. чл.-кор. РАН А.К. Матвеева. Т.4: 3-И. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. 358 с.

Селигер – *Селигер*: Материалы по русской диалектологии: Словарь. Вып.2. Д-И. СПб., 2004. 188 с.

СРГК – *Словарь* русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 5 вып. Вып.1 / гл. ред.

А.С. Герд. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1994. 512 с.

СРГНП – *Словарь* русских говоров Низовой Печоры / под ред. Л.А. Ивашко: в 2 т. СПб., 2003-2005.

СРГСУ – *Словарь* русских говоров Среднего Урала. Т. 1-6. Свердловск, 1964-1987.

СРГЮП – *Словарь* русских говоров Южного Прикамья. Вып. 1 / И.А. Подюков (науч. ред), С.М. Поздеева, Е.Н. Свалова, С.В. Хоробрых, А.В. Черных; Перм. гос. пед. ун-т. Пермь, 2010. 456 с.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина, Ф.П. Сороколетова. М.; Л., 1965–2010. Вып. 1–43 (издание продолжается).

Черепанова О.А. Мифологическая лексика русского севера. Л., 1983. 169 с.

Черепанова О.А. Мифологические функции птиц в русских быличках и других материалах // Черепанова О.А. Культурная память в древнем и новом слове: Исследования и очерки. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2005. С. 156-168.

Условные сокращения районов Пермского края

Краснов. – Красновишерский

Куед. – Куединский

Солик. – Соликамский

Усол. – Усольский

Черд. – Чердынский

VERBAL REPRESENTATION OF THE CONCEPTS OF RELATION BETWEEN A WIZARD AND EVIL SPIRIT (on lexis of Perm dialects and mythological stories of Perm Krai)

Irina I. Rusinova

Reader of General and Slavonic Linguistics

Perm State University

In the article on the data of mythological stories, data of dialect dictionaries and folklore and ethnographic sources of Perm Krai we consider verbal representations of the concept of relations between a wizard and evil spirits, which are manifested quite clearly at the lexical level and which are presented by the roots “bes” (evil angel) and “chyort” (devil) in formation of several nominations of the wizard. Numerous in the Perm data are verbal phrases with the names of evil spirits, denoting several motives, such as transference, acquisition of sacred knowledge, possession of such knowledge, causing disease and its cure. The most numerous group of units verbally presents the main aspect of the magic of wizards – harm infliction (mainly by causing disease, mental disorder), using demons as an instrument, “sending” them to people in various ways.

Keywords: mythological stories of Perm Krai; a wizard; a simplest; evil spirit; magic lexis.